

29a 36

01094017

COBISS e

тъ Антоній.

**ПУШКИНЪ,
КАКЪ НРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ
И ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНИНЪ.**

БЪЛГРАДЪ
Издание „Царскаго Вѣстника“.
1 9 2 9

D = 142670855

ИВ. БИБЛИОТЕКА

И. Бр. 94017

Буга
36

Митрополитъ Антоній.

Моему великодушному

незабвенному другу моему, Св. Митрополиту

ПУШКИНЪ

Антонію

КАКЪ ПРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Антонію

И ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНИНЪ.

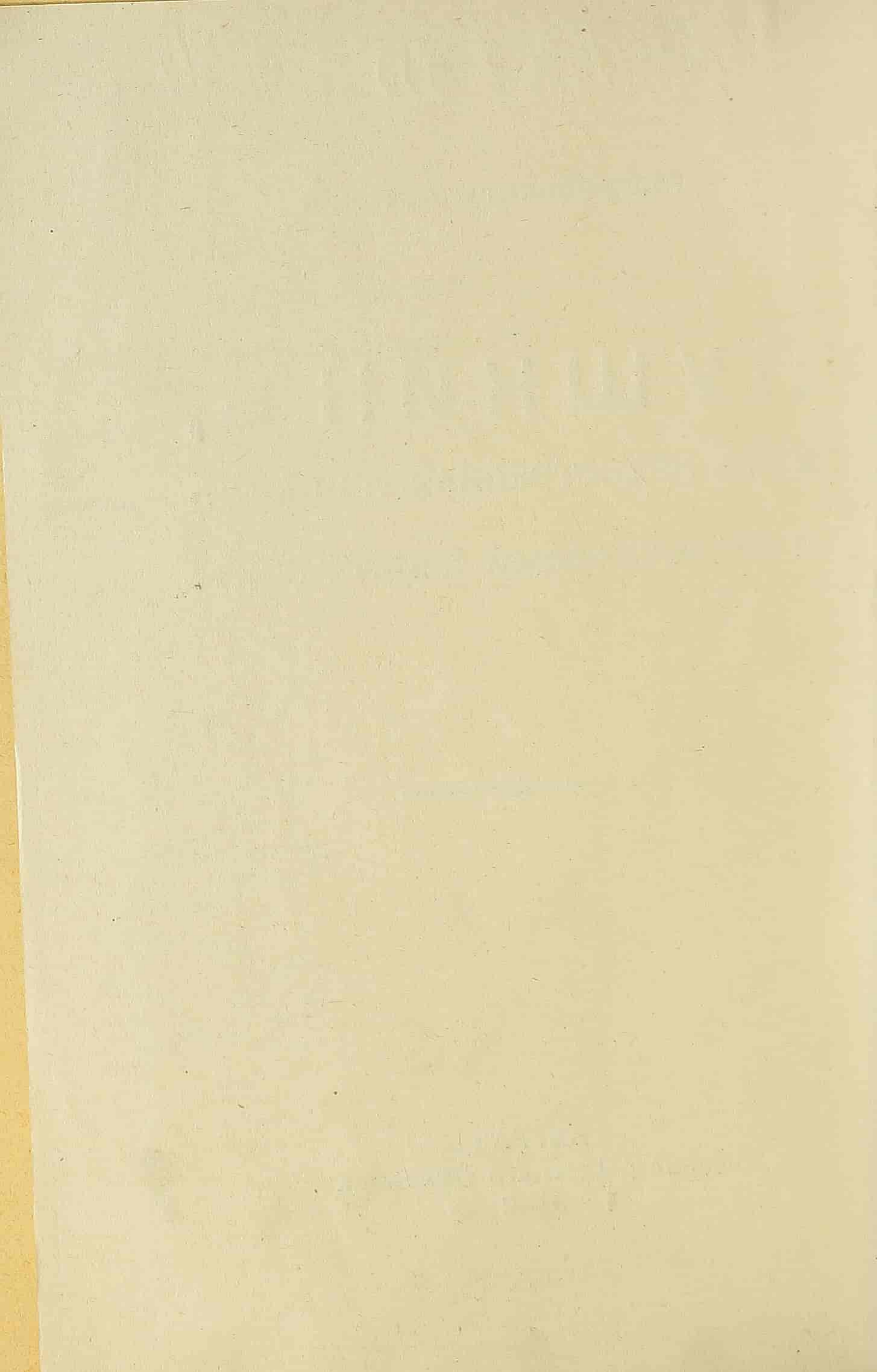
1929.

БЪЛГРАДЪ

Издание „Царскаго Вѣстника“.

1 9 2 9

Обширная литература о Пушкинѣ почти всегда старалась обходить такую тему и всячески старалась выставить Пушкина либо какъ рационалиста, либо какъ революціонера, несмотря на то, что нашъ великій писатель былъ живой противоположностью такимъ понятіямъ.

Въ 1899 году, когда Казань и въ частности Казанскій университетъ праздновалъ 100-лѣтіе со дня его рожденія, я былъ приглашенъ служить тамъ литургію и сказать рѣчь о значеніи его поэзіи. Я указалъ на то въ своей рѣчи, что нѣсколько самыхъ значительныхъ стихотвореній Пушкина остались безъ всякаго толкованія и даже безъ упоминанія о нихъ критиками.

Болѣе искренніе профессоры и нѣкоторые молодые писатели говорили и писали, что я открылъ Америку, предложивъ истолкованіе оставшагося непонятымъ и замолчаннымъ стихотворенія Пушкина, оставленнаго имъ безъ заглавія, но являющагося точной исповѣдью всего его жизненнаго пути, какъ, на примѣръ, чистосердечная исповѣдь блаженнаго Августина.

Вотъ какъ оно читается:

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго;

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало.
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникаль въ ея бесѣды мало:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ усть и взоровъ
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковаль
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ:

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить была мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все — мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердцѣ: и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идоль) ликъ молодой
Былъ гнѣвнень, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ отъ силы неземной.

Другой женообразный, сладострастный
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный“.

Не однажды, предлагая вниманію слушателей
на литературныхъ вечерахъ и на студенческихъ
рефератахъ это стихотвореніе, я спрашивалъ слу-
шателей: „О какой школѣ здѣсь говорится, кто

упоминаемая здѣсь учительница и что за два идола описаны въ концѣ этого стихотворенія, подходящаго и подѣ понятіе басни и подѣ понятіе загадки“? Самъ авторъ такого толкованія не далъ, но смыслъ его исповѣди въ связи ея со многими другими его стихотвореніями совершенно понятенъ. Общество подростковъ школьниковъ это русское интеллигентное юношество, учительница — это наша Св. Русь, чужой садъ — Западная Европа, два идола въ чужомъ саду это два основныхъ мотива Западно-Европейской жизни — гордость и сладострастіе, прикрытые философскими тогами, какъ мраморныя статуи, на которыхъ любовались упрямые мальчики, нежелавшіе не только исполнять, но даже и вникать въ бесѣды своей мудрой и добродѣтельной учительницы и пристрасно перетолковывавшіе ея правдивыя бесѣды.

Истолковавъ съ своей стороны въ печати, эту мудрую загадку нашего писателя и конечно замолчанную вмѣстѣ съ моимъ истолкованіемъ современною критикой, я тѣмъ самымъ все-таки понудилъ ее въ рецензіяхъ моей рѣчи, а также и въ другихъ статьяхъ о Пушкинѣ, коснуться этого стихотворенія, но ихъ авторы лицемѣрно замалчивали (не имѣя возможности отрицать) главный выводъ изъ Пушкинской загадки, а ходили вокругъ, да около ея смысла, не вникая въ ея существо.

Итакъ молодое общество, нерасположенное къ своей добродѣтельной учительницѣ и перетолковывавшее ея уроки, это русская интеллигентная молодежь (и если хотите также старики, которые при всякомъ упоминаніи о религіи, о Церкви и т. п. только отмахивались и начинали говорить о мистицизмѣ, шовинизмѣ, суевѣріяхъ и конечно объ инквизиціяхъ, приплетая ея сюда ни къ селу ни къ городу). Наши толстые журналы, начиная съ 60 годовъ шли по тому же пути „превратныхъ

толкованій“ всего соприкосновеннаго со св. вѣрой и манили читателя „въ великолѣпный мракъ чужого сада“ и подъ названіемъ „просвѣщенія“ держали его въ этомъ мракѣ туманныхъ и уже во все ненаучныхъ теорій позитивизма (агностицизма), утилитаризма, полуматеріализма и т. д. и т. д. Гордость и сладострастіе, вѣчно сбличаемые нашей Учительницей, т. е. Церковью въ данномъ случаѣ наполняли постоянно буйныя головки и „слабые умы“ нашего юношества, и лишь немногіе изъ нихъ въ свое время вразумлялись и измѣняли свое настроеніе, какъ, на примѣръ, герои Тургеневскаго „Дыма“, Гончаровскаго „Обрыва“ и большинства повѣстей Достоевскаго.

Не подумайте будто приведенное стихотвореніе Пушкина является единственнымъ въ своемъ родѣ. Напротивъ можно сказать, что эти настроенія безпощаднаго самобичеванія и раскаянія представляются намъ преобладающими въ его творствѣ, потому что оно красной нитью проходитъ черезъ всѣ его воспоминанія и элегіи.

Историко-критическая литература Пушкина не поняла. Бѣлинскій преимущественно цѣнитъ его, какъ поэта національнаго, но въ чемъ национализмъ его убѣжденій (а не просто подбора темъ) Бѣлинскій также не объясняетъ. Не объяснилъ этого и Некрасовъ, такъ искренне преклонявшійся передъ силой Пушкинскаго слова и воображенія. Ничтожный Писаревъ цѣнитъ его только какъ стилиста, а тотъ единственный критикъ точнѣе панегиристъ, который понялъ его глубже прочихъ, профессоръ Духовной Академіи, высоко талантливый В. В. Никольскій, открывшій Пушкинскую Америку въ своей актовѣ рѣчи въ Петербургской Духовной Академіи подъ заглавіемъ „Нравственные идеалы Пушкина“ (1882) и приведшій въ бурный восторгъ огромную аудиторію во главѣ

съ полнымъ почти составомъ Св. Синода, остался злостно замолчаннымъ въ литературѣ. Я даже не знаю вышла ли эта рѣчь Никольскаго отдѣльнымъ изданіемъ.

Однако благодаря Бога явился человекъ, котораго замолчать было уже физически невозможно, именно Ф. М. Достоевскій, выступившій на торжественномъ чествованіи нашего поэта въ „Пушкинскіе дни“ въ Москвѣ 1880 года, когда былъ поставленъ ему памятникъ въ Первопрестольной столицѣ.

Неоднократно мы упоминали о томъ колоссальномъ восторгѣ, который охватилъ тогда слушателей этой рѣчи Достоевскаго и отразился на всей повременной литературѣ. Мало распространенный до того времени „Дневникъ писателя“, въ которомъ Достоевскій отпечаталъ свою рѣчь былъ раскупленъ въ нѣсколько дней; затѣмъ понадобилось второе и третье его изданіе.

Достоевскій представлялъ себѣ Пушкина тоже какъ писателя патріота и какъ человека высоко-религіознаго, но въ своей рѣчи и въ не менѣе талантливомъ Приложеніи къ ней, онъ разсматривалъ Пушкина съ одной опредѣленной точки зрѣнія, какъ геніальнаго совмѣстителя національнаго патріотизма съ христіанскимъ космополитизмомъ. Справедливо утверждалъ онъ, что Пушкинъ показалъ себя геніальнѣйшимъ писателемъ міра, обнаруживъ такое свойство ума и сердца, до котораго не дошли міровые геніи, Шиллеръ, Шекспиръ и проч.: вѣдь у послѣднихъ герои повѣстей и поэмъ почти вовсе теряютъ присущія имъ національныя черты и Шекспировскіе итальянцы и испанцы являются читателю, какъ англичане, а герои Пушкина являются типичными выразителями характеровъ ихъ родныхъ, національныхъ; примѣры приводитъ на это излишне.

Рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ настолько глубоко проникла въ умы и сердца нашей публики, что рабствовавшая ей критическая литература, которая прежде унижала Достоевскаго и презрительно издѣвалась надъ нимъ, начиная съ 1881 года, послѣ нѣсколькихъ безсильныхъ гавканій на него, совершенно измѣнила свой высококомѣрный тонъ и стала отзываться о Достоевскомъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ и о Пушкинѣ; кратко говоря съ этого времени оказалось *нейринятымъ* говорить о Достоевскомъ, какъ раньше и о Пушкинѣ, безъ уваженія, даже безъ благоговѣнія.

Читатель, конечно, замѣтилъ уже, что центральный интересъ нашъ къ личности и поэзіи Пушкина сосредотачивается въ другой области, нежели въ рѣчи Достоевскаго, хотя и соприкасается съ послѣднимъ. Именно мы ведемъ свою рѣчь о Пушкинѣ прежде всего, какъ о христіанскомъ моралистѣ. Приведенное стихотвореніе *Жизненная Школа* свидѣтельствуетъ о томъ, что даже независимо отъ своихъ политическихъ и національныхъ симпатій Пушкинъ интересовался прежде всего *жизненною правдою*, стремился къ нравственному совершенству и въ продолженіи всей своей жизни горько оплакивалъ свои паденія, которыя, конечно, не шли дальше обычныхъ романическихъ увлеченій Евгенья Онѣгина и въ совѣсти другихъ людей послѣдняго столѣтія не оставляли глубокихъ слѣдовъ раскаянія, а нерѣдко даже отмѣчались въ нихъ хвастливыми воспоминаніями своего бывшаго молодечества.

Не такъ однако настроенъ Пушкинъ:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье;
 Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй
 Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе.

Еще безпощаднѣ его элегіи:

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда —

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнія:
Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;

Мечты кипятъ; въ умѣ подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкій думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно передо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаніями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской.
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшей головой.
Такъ отрокъ Библии — безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ!
Поэтомъ забывался я!..

Въ чемъ же такъ горько, такъ беспощадно каялся нашъ поэтъ. Конечно въ грѣхахъ противъ 7-ой заповѣди, въ этомъ отношеніи его совѣсть оказывалась болѣе чуткой, даже сравнительно съ совѣстью блаженнаго Августина, написавшаго свою чистосердечную исповѣдь.

Послѣдній открыто каялся передъ читателями, не щадя своего святительскаго авторитета, но въ чемъ главнымъ образомъ? — увы и здѣсь въ немъ сказался болѣе римскій юристъ, чѣмъ смиренный христіанинъ: онъ оплакиваетъ грѣхи своей молодости, но главнымъ образомъ то, что онъ въ дѣтствѣ... воровалъ яблоки и другіе фрукты въ чужомъ саду, что конечно дѣлаетъ всякій порядочный мальчишка, особенно на знойномъ югѣ, гдѣ фрукты дешевле, чѣмъ у насъ щавель. Блаженный Августинъ жестоко терзаетъ свое сердце за то, что воруя фрукты, онъ это дѣлалъ не подъ давленіемъ нужды, а ради глупаго молодечества. Зато чрезвычайно равнодушно онъ упоминаетъ о бывшемъ у него незаконорожденномъ ребенкѣ, котораго смерть похитила уже въ юношескомъ возрастѣ.

Покаяніе же Пушкина въ своихъ юношескихъ грѣхахъ было не просто всплескомъ безотчетнаго чувства, но имѣло тѣсную связь съ его общественными и даже государственными убѣжденіями. Вотъ какія предсмертныя слова влагаетъ онъ въ уста умирающаго Царя Бориса Годунова къ своему сыну Θεодору:

„Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденіяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой
Мать почитай, но властвуй самъ собой:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься“.

Далекъ былъ Пушкинъ отъ общепризнаннаго теперь парадокса о томъ, что нравственная жизнь каждаго есть исключительно его частное дѣло, а общественная дѣятельность его совершенно не связана съ первою.

Въ годы своей возмужалости Пушкинъ надѣялся освободиться отъ юношескихъ страстей и написалъ стихотвореніе.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ — варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданіе генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья съ измученной
души моею,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Къ этой же темѣ онъ возвращается не однажды, открывая читателю измѣняющееся къ лучшему настроеніе своей души.

„Я пережилъ свои желанія,
Я разлюбилъ свои мечты.
Остались мнѣ однѣ страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ“.

Пушкинъ постоянно думалъ о неизбежномъ исходѣ человѣческой жизни.

„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижусь-ль межъ юношей безумныхъ, —
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь не видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патриархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ переживалъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца-ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости.
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину,
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою-ли, въ странствованіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

И пусть и гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіяетъ“.

Однако мысль о смерти не внушаетъ ему унынія, а покорность воли Божіей и примиреніе со своимъ жребіемъ.

См. его стихотвореніе:

„Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я
провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ“...

Религіозное чувство Пушкина не имѣло только строго индивидуальнѣй характеръ: передъ его сознаниемъ носился образъ вдохновеннаго пророка, къ коему онъ обращался не однажды. Не однажды мы уже читали передъ публикой и печатали о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, какое производила декламація Достоевскаго Пушкинскаго пророка. Въ эти минуты оба великихъ писателя какъ бы сливались въ одно существо, очевидно прилагая къ себѣ самимъ, то видѣніе Пророка Исаи, которое Пушкинъ изложилъ въ своемъ стихотвореніи:

ПРОРОКЪ.

„Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачилъ
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зениць коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дальней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,

И сердце трепетное вынулъ,
 И уголь пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстную водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынь, я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ возвалъ:
 „Возстань пророкъ и виждь, и внемли,
 Исполнишь волею Моей
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей“.

Мы заявили, что приводимъ тѣ религиозныя переживанія поэта, которыя были ему присущи независимо отъ его національныхъ и общественныхъ взглядовъ. Однако и въ этихъ переживаніяхъ Пушкинъ сказался не только, какъ православный христіанинъ, но и какъ русскій человекъ, котораго наиболѣе любимая молитва, повторяемая въ Церкви съ многочисленными земными поклонами, была любимой молитвой Пушкина.

МОЛИТВА.

„Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дальнихъ бурь и битвъ
 Сложили множество молитвъ;
 Но не одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 „Владыка дней моихъ, духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай души моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
 И духъ, смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи“.

Съ любовью воспроизводя мотивы русскаго христіанскаго благочестія въ типахъ Бориса Годунова, старца Пимена и Патріарха Іова (современника Годунову) нашъ поэтъ не повторяетъ, конечно, насмѣшливыхъ оговорокъ другихъ писа-

телей, когда они касаются древне-русской исторіи. Изъ его поэмъ и драмъ видно, что онъ считаетъ религіозное настроеніе древности болѣе духовнымъ, болѣе Евангельскимъ, чѣмъ настроенія современнаго ему общества и послѣднему предпочитаетъ благочестіе простаго народа русскаго.

„Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбишѣ захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гнѣютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеей
(Дешевого рѣзца нелѣпныя затѣи).
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
Ворами со столбцовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія зіяющія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть —
Такія смутныя все мысли мнѣ наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть да бѣжать. Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ.
Къ нимъ ночью темной не лезетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
Колебясь и шумя“...

Религіозные и даже церковные идеалисты интеллигентнаго сословія не часто сближаются съ представителями нашего высшаго духовенства; не слышно относительно Пушкина, чтобы онъ имѣлъ много друзей изъ духовныхъ лицъ, ибо латинская и сословная кастовая школа поставила тяжелую перегородку между обществомъ и духовенствомъ, которую пробываетъ, да и то не всегда, только народное неистребимое благочестіе, хотя тамъ

пастырскій союзъ встрѣчаетъ еще одно затрудненіе въ видѣ подати на священниковъ, которые могутъ охладить къ нимъ народное сердце. Впрочемъ Пушкинъ силою своего свѣтлаго ума и благожелательнаго чувства тоже пробываетъ помянутую перегородку и находитъ дорогу даже въ довольно черствое сердце покойнаго Митрополита Филарета. Остановимся на слѣдующемъ стихотвореніи поэта.

Даръ напрасный, даръ случайный
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ на эти стихи слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Не напрасно не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ возвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтель умъ.

Пушкинъ въ свою очередь отвѣтилъ на это слѣдующимъ стихотвореніемъ:

СТАНСЫ.

(Митрополиту Московскому Филарету).

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Не позволяя себѣ шутокъ надъ благочестіемъ чисто церковнымъ, нашъ поэтъ негодовалъ на интеллигентское ханжество, въ которомъ религіозность сливается съ самолюбіемъ, и ясно понималъ насколько народное благочестіе проникнуто отъ начала и до конца смиренномудріемъ, возвышеннѣе и чище барскаго и купеческаго благочестія. Прочтите уже цитированное нами стихотвореніе, въ которомъ онъ сравниваетъ городское и сельское кладбище.

Это же глубокое разумѣніе нашей Божественной вѣры, какъ постоянной борьбы съ гордостью и восхваленіемъ смиренномудрія обнаруживаетъ Пушкинъ въ своей сказкѣ о рыбацкѣ и рыбкѣ. Пока злая старуха, жена рыбака, просила себѣ: 1) новаго корыта, 2) новой избы, 3) дворянскаго достоинства и 4) наконецъ, царскаго званія

Золотая Рыбка все это ей давала, хотя и съ неудовольствіемъ, но когда она пожелала быть морской богиней, то рыбка только плеснула хвостомъ и исчезла въ водахъ моря, а съ ней исчезли всѣ ея дары и старуха осталась въ прежней нищитѣ при разбитомъ корытѣ.

Пора сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ о другихъ нравственныхъ перспективахъ Пушкина, здѣсь прежде всего поражаютъ насъ его частыя мысли о смерти и связанной съ нею тщетности всѣхъ человѣческихъ общественныхъ стремленій. Замѣтите при этомъ его полную примиренность со жребіемъ смертныхъ и не часто встрѣчающіеся отсутствіе зависти къ живымъ. Замѣчательно, что стихотворенія съ такими мотивами написаны въ молодые годы, когда онъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ.

Впрочемъ такое сосредоточеніе своего чувства на своемъ покаянніи и на неизбѣжности смерти нисколько не закрываетъ сердце поэта къ ближнимъ: къ Россіи, къ своему лицу и къ школьнымъ товарищамъ. Любить Отечество это свойство, конечно, большинства людей, но любить свою школу и товарищей, не только во время совмѣстнаго обученія и воспитанія, но и впослѣдствіи во время разлуки и не столько обличать ихъ, сколько подчеркивать добрыя стороны ихъ характера, для этого нужно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣмъ великимъ Пименомъ, который при всей своей правдивости, носилъ въ сердцѣ примиренность съ жизнью и самое благожелательное отношеніе къ современникамъ при всѣхъ ихъ грѣхахъ и слабостяхъ.

„Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ

Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 Войну и миръ, управу государей
 Угодниковъ святыя чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду“...

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Пушкинъ ежегодно писалъ нѣчто вродѣ Оды въ честь своего Лицея. Самые душевные, скажемъ болѣе нѣжные тона слышатся въ его поздравленіи своей alma mater. Онѣ не идеализируютъ своихъ товарищей и наставниковъ, но подчеркиваютъ ихъ добрыя качества и высокую задачу жизни русской интеллигенціи въ тогдашнемъ еще крѣпостническомъ русскомъ строѣ. Нѣжное чувство къ своей школѣ распространяетъ онъ и на все Царское Село, гдѣ она помѣщалась и одно изъ своихъ стихотвореній въ честь лицея онъ оканчиваетъ словами:

„Отечество намъ — Царское Село“
 (на 19 окт. 1925 года):

Доступность такого поэтического отношенія къ своему лицу современникамъ Пушкина и особенно его товарищамъ обуславливалась тѣмъ, что въ то время всѣ просвѣщенные русскіе люди какъ бы нравственно обязывались быть поэтами и сочинять стихи. Пушкинъ, конечно, не могъ не сознавать нравственнаго превосходства своей музы надъ маленькими талантами своихъ школьныхъ друзей, но благородство его души сказывалось въ томъ, что онъ не даетъ этого почувствовать послѣднимъ и признаетъ ихъ какъ бы своими сотрудниками по вдохновенію, о чемъ свидѣтельствуется только что указанное праздничное привѣтствіе его лицю, гдѣ онъ поименно обращается то къ одному, то къ другому своему товарищу изъ своей Псковской ссылки. Тонъ обращенія грустный, но чуждый всякой зависти.

Можно, конечно, толковать о сантиментально-романтическомъ направленіи той эпохи, которая будто бы отразилась на свѣтломъ умѣ Пушкина, но здѣсь мы видимъ нѣчто гораздо болѣе высшее. Романтизмъ Тентетникова устремляетъ свои нѣжныя чувства не къ ближнимъ своимъ, а, какъ выражается Достоевскій, — къ дальнимъ, или къ случайнымъ встрѣчнымъ гостямъ. Пушкинъ же любитъ и ласкаетъ своихъ друзей и невольныхъ сотрудниковъ по ученію и службѣ.

Особенно замѣчательно въ его жизни то, что онъ не болѣе, какъ 15 лѣтъ отъ роду, далъ самъ себѣ правдивую, но можетъ быть слишкомъ строгую характеристику, въ которой чувствуется не мальчикъ-подростокъ, а глубокая душа и зачатокъ гениальнаго наблюдателя.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ,
Не дѣлалъ добраго — однако жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человекъ.

Пушкинъ—патріотъ.

Объ этомъ тоже старались умалчивать большинство его критиковъ, тѣмъ болѣе, что быть патріотомъ считалось до эпохи бѣженства почти постыднымъ и только во время военныхъ походовъ у насъ привѣтствовали героевъ, да и не безъ насмѣшекъ.

Несомнѣннымъ патріотомъ былъ Чацкій у Грибоѣдова, но и онъ подтрунивалъ надъ тѣмъ, какъ встрѣчали въ Москвѣ гвардію:

„Кричали женщины ура
И въ воздухъ чепчики бросали“.

Напротивъ Пушкинъ не только не стыдился показать себя патріотомъ, но и прославлялъ непопулярнаго среди литераторовъ Императора Николая Павловича:

„Нѣтъ я не льстець, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаніи жизнь моя
Влачилъ я съ милыми разлуку;
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль — съ вами снова я.

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою, —
И я-ль въ сердечномъ умиленьѣ
Ему хвалы не воспою?

Я льстець? Нѣтъ, братья, льстець лукавъ:
Онъ горе на царя назоветъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странъ, гдѣ рабъ и льстець
Одни приближены къ престолу.
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу“.

Критическая литература о Пушкинѣ иногда съ ходульнымъ негодованіемъ, но иногда съ сочувствіемъ напоминаетъ объ отношеніи Императора къ нашему народному генію. Дѣйствительно властный Самодержецъ относился къ юному поэту отечески. Смиривъ его ссылкой и давъ ему литературную работу, покойный Императоръ нрав-

ственно поддерживалъ его до самой смерти и своимъ христіанскимъ участіемъ облегчилъ его послѣдніе дни на землѣ.

Понятно поэтому, что и Пушкинъ цѣнилъ не только личность Государя, но и самый принципъ монархіи, даже когда протестовалъ противъ нашихъ строгихъ законовъ и въ частности крѣпостного права:

„Увижу ль вновь народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію Царя“.

О томъ, какъ Русскій Царь можетъ совмѣщать неприкосновенность власти съ дружелюбнымъ отношеніемъ къ своему народу можно учиться у Пушкинскаго Бориса Годунова; но еще болѣе ясно свои глубокія симпатіи къ Самодержавію и презрѣніе къ революціи Пушкинъ изобразилъ въ Капитанской дочкѣ въ изображеніи Екатерины II и въ описаніи тогдашней Пугачевской революціи, которое онъ заключаетъ словами:

„Ужасенъ видъ русскаго бунта, жестокаго и безсмысленнаго; тѣ, которые у насъ обсуждаютъ перевороты, либо ничего не понимаютъ, либо относятся къ разряду тѣхъ людей, для которыхъ жизнь копейка, а чужая душа полушка“.

Конечно, эти мудрые словеса геніальнаго писателя *не приводятся* во многихъ изданіяхъ его твореній. Къ удивленію своему я не нашелъ ихъ и въ изданіи Авенаріуса для юношества (изданіе 1888 г.).

Много можно еще сказать о патриотизмѣ Пушкина, который съ особой силой сказался въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“ и въ панегирикѣ Кутузову, но это мало входитъ въ нашу задачу и можетъ составить содержание особаго очерка. А пока укажемъ на ту тоже драгоцѣнную, но почти незамѣченную критикой особенность Пушкинскаго творчества, что онъ, повидимому,

цѣлыхъ два года 1832 и 1833 почти посвятилъ: Пѣснямъ Западныхъ Славянъ, т. е. оказался славянофиломъ, раньше появившагося у насъ славянофильства. Подъ Западными славянами онъ разумѣетъ дружественныхъ намъ сербовъ, которымъ приписываетъ высоко-геройскій духъ и православное благочестіе.

Самое замѣчательное изъ этого рода стихотвореніе о Карагеоргіевичѣ, рѣшившемся убить своего отца за намѣреніе предать Сербское войско туркамъ.

За всѣмъ тѣмъ остается вопросъ, почему же Пушкинъ, столь правильно уразумѣвшій православно-народное міровозрѣніе, не могъ не поддаться вліянію гнуснаго европейскаго предразсудка, унаследованнаго нашимъ обществомъ еще отъ эпохи рыцарей и окончилъ жизнь свою на дуэли, сподобившійся впрочемъ, по особой милости Божіей, предсмертнаго покоянія и Св. Таинства причащенія. Предразсудокъ этотъ, узаконенный и Европой и русскимъ дворянствомъ, а затѣмъ и всей интеллигенціей — *гордыня*, та самая гордыня, которую онъ, согласно Христову закону, изображаетъ, какъ одного изъ двухъ бѣсовъ, соблазнявшихъ его еще юную душу. Не такъ думалъ кончить свою жизнь нашъ поэтъ судя по одному изъ лучшихъ его стихотвореній:

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ „прости“ ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда-бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ,

Такой исходъ былъ бы послѣдовательнымъ завершеиіемъ его жизни, постепенно отрѣшавшейся отъ тѣхъ заблужденій, которыя начерталъ на его ликѣ: „художникъ варваръ кистью сонной“.

Совершенно освободиться отъ остатковъ гордыни, закрѣпившейся въ нелѣпомъ предразсудкѣ дуэли, это самое трудное въ христіанскомъ подвигѣ челоѳческой души и сего достигаетъ она послѣ долгихъ лѣтъ духовной борьбы съ собою. Достигъ бы этого и Пушкинъ, если бы Богъ продлилъ жизнь гениальнаго поэта до старости.

